

Воспоминанія графа Константина Константиновича Бенкендорфа о кавказской лѣтней экспедиціи 1845 года ¹⁾.

(Souvenir intime d'une campagne au Caucase pendant l'été de 1845).

Въ этотъ день мы шли именно такимъ образомъ, но движеніе исполнялось дурно, по причинѣ скорости движенія, и въ цѣпи образовались промежутки; наше счастье, что непріятель не показывался, и только арріергардъ помѣнялся съ горами лишь нѣсколькими скоро прекратившимися выстрѣлами,—это были первые выстрѣлы въ эту кампанію.

Часовъ около 3-хъ пополудни я достигъ съ своими людьми Хубарскихъ высотъ, гдѣ былъ разбитъ лагерь отряда.

Въ предшествовавшіе годы ²⁾ эти высоты нѣсколько разъ ставились цѣлью похода, но онѣ имѣли значеніе до тѣхъ поръ, пока мы не овладѣли Чиркеемъ (тетъ-де-понъ на лѣвомъ берегу Койсу, съ занятіемъ котораго высоты обходились съ тыла).

Я лично отправился въ главную квартиру засвидѣтельствовать свое почтеніе графу Воронцову, котораго я не видѣлъ двое сутокъ. Я его засталъ за обѣдомъ со всей свитой, состоявшей примѣрно изъ сорока человѣкъ ³⁾.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ май 1910 г.

²⁾ Особенно, начиная съ 1840 года, т. е. 1841, 42, 43 и 44-й.

³⁾ Свита и штабъ гр. Воронцова, помимо нач. штаба (ген. В. О. Гурко) и офицеровъ генер. штаба, состояла изъ лицъ: Принцъ Александръ Гессенскій, князь Ѳ. И. Паскевичъ, князь Эмилій Витгенштейнъ, полк. Минквицъ, кн. Дундуковъ-Корсаковъ, ген. Фокъ, чиновники—баронъ А. П. Николаи и Щербининъ, личные адъютанты—Лонгиновъ (убитъ), Нечасовъ (авторъ воспом., нами изданныхъ) и Глѣбовъ, при Паскевичѣ—поручики Самсоновъ и Бекле-

Послѣ обѣда главнокомандующій оказалъ мнѣ честь, заговоривъ со мной о той быстротѣ, съ которой мы со всѣмъ нашимъ обозомъ исполнили двѣнадцативерстный переходъ. Я позволилъ себѣ критиковать это движеніе и указать на отсутствіе порядка въ движеніи и должно быть отстаиваніе мной діаметрально противоположной системы движенія явилось слишкомъ продолжительнымъ, такъ какъ графъ началъ напѣвать нѣкую англійскую пѣсенку, которую мы привычно переводили словами „Вы мнѣ надоѣли“¹⁾.

Урочище Хубаръ и окружающая мѣстность представляютъ весьма возвышенное плато. Это плато начинается у подножія скалистаго гребня, отдѣляющаго Салатавію отъ Гумбета, и простирается до мѣнѣ возвышенной области, покрытой великолѣпными лѣсами, заключенными между нашимъ лагеремъ и равниной, и надъ которыми мы теперь вполнѣ господствовали.

На этихъ высотахъ—чудесный воздухъ, и на нихъ-то въ періодъ спокойствія въ этихъ странахъ²⁾ паслись лѣтомъ многочисленныя стада жителей Шамхальства и Кумыкской плоскости. Это плато въ различныхъ мѣстахъ перерѣзано очень глубокими и очень обрывистыми оврагами, поросшими густымъ лѣсомъ, и переходъ одного изъ таковыхъ, такъ называемаго Теренгульскаго, составлялъ для насъ задачу слѣдующаго дня. На двухъ противоположныхъ сторонахъ именно этого оврага въ прошломъ 1844 году встрѣтились лицомъ къ лицу нашъ экспедиціонный отрядъ и всѣ силы Шамиля, и обѣ стороны оставались въ этомъ расположеніи двое сутокъ. Съ насту-

мишевъ, затѣмъ еще—кап. Альбрантъ, докт. Андреевскій, сынъ графа Семень, князь Васильчиковъ (адъютантъ, былъ равенъ), полковникъ графъ Строгановъ, пор. Едлинскій (кажется еще Дараганъ), князь Яшвилъ, князь Ал. Голицынъ, князь Ираклій Грузинскій, флиг.-адъют. Сколковъ, графъ де-Бальменъ (здѣсь убитый) и мн. др.

¹⁾ Совершенно естественно, что Бенкендорфъ—ученикъ Вельяминова, подвергъ критикѣ это движеніе, но онъ видимо плохо зналъ Воронцова, если рѣшился ему это высказать, да еще ссылаясь на превосходство другой системы дѣйствій вообще. Ревнивому къ своей славѣ Воронцову, полагаемъ, все это крайне не понравилось, и съ этого времени правдивый Бенкендорфъ едва-ли пользовался искреннимъ расположеніемъ Воронцова, что впрочемъ послѣдній, по свойственной ему скрытности, ничѣмъ не обнаружилъ, продолжая, по внѣшности, оказывать ему вниманіе, считаясь вѣроятно съ большими связями Бенкендорфа въ Петербургѣ.

²⁾ Когда господство Шамиля далеко еще не простиралось на эти области, оставшіяся намъ преданными, что доказываетъ, что до 40-хъ годовъ мы были сильнѣе на Кавказѣ.

явленіемъ ночи отрядъ въ 6 баталіоновъ съ частью конницы получилъ приказаніе перейти другимъ, менѣе обрывистымъ, оврагомъ, выведившимъ въ обходъ праваго фланга расположенія скопищъ Шамиля, и, обойдя этотъ флангъ подошвой высотъ, стать на сообщеніяхъ Шамиля. Одновременно, съ завязкой боя этимъ обходнымъ отрядомъ, главныя силы должны были форсировать оврагъ съ фронта.

Но нашъ обходный отрядъ былъ открытъ непріателемъ заблаговременно и не счелъ себя достаточно сильнымъ для развитія рѣшительныхъ дѣйствій, а Шамиль успѣлъ снять свой лагерь и отступить. По зрѣломъ обсужденіи обстоятельствъ, мы тоже повернули обратно, и кампанія 1844 года кончилась¹⁾.

Въ настоящемъ году насъ не ожидало ничего подобнаго и тамъ, гдѣ стоялъ нашъ противникъ, со стороны Буртуная, двигался къ намъ на соединеніе Дагестанскій отрядъ князя Бебутова.

Итакъ, авангардъ и главныя силы перешли Теренгуль послѣ полудня 3-го іюня. Обозъ двигался всю ночь, и мой баталіонъ получилъ приказаніе прикрывать здѣсь переправу черезъ небольшой ручей.

Ширина Теренгульскаго оврага вверху равнялась дальности орудійнаго выстрѣла, внизу—10 сажень, глубина—1.500 футь. Тропа, по которой мы спускались на дно оврага, была очень крута, а незадолго до насъ прошедшій сильный дождь и масса прослѣдовавшей здѣсь пѣхоты до-нельзя затруднили движеніе по этой тропѣ лошадей. Людямъ спускаться было легче, такъ какъ, сѣвъ на коротки, они сползали прямо внизъ, что продѣлывало большинство людей пѣхоты, особенно же люди, побывавшіе въ этотъ день на полковомъ праздникѣ Навагинскаго полка.

Орудія были выпряжены, подвѣшены на канатахъ, спущены на рукахъ и тѣми же способами подняты на противоположный берегъ оврага.

Эта послѣдняя операція была возложена и на меня, и на долю моего баталіона досталось 2 полевыхъ орудія и 4 зарядныхъ ящика;

¹⁾ Безрезультатность этой экспедиціи вызвала большое неудовольствіе на Нейдгарта, руководившаго ею лично и немедленно послѣдовало замѣщеніе его графомъ Воронцовымъ. Не оправдывая вообще Нейдгарта, какъ дѣятеля на Кавказѣ, замѣтимъ лишь, что въ данномъ случаѣ ему болѣе ничего не оставалось, какъ отойти назадъ, такъ какъ планъ дѣйствій, составленный въ Петербургѣ, совершенно не отвѣчалъ свойствамъ мѣстности и противника и всѣмъ вообще обстоятельствамъ веденія войны на Кавказѣ.

не менѣе 3-хъ часовъ ушло на эту работу, при чемъ каждое орудіе требовало не менѣе роты полного состава.

Эта ночь съ 3-го на 4-ое іюня, ночь въ глубинѣ оврага отличалась полнымъ отдыхомъ; мы ее провели въ густомъ лѣсу, переполненномъ пнями и давно заброшенными завалами, заваленными сухимъ хворостомъ и травой. Топоръ и разнообразная дѣятельность солдата прервали тишину этой мрачной пустыни, а бивачные огни озаряли громадные деревья, казавшіяся призраками. Въ этомъ зрѣлищѣ было что-то фантастическое, и вся обстановка этой ночи на походѣ носила во многомъ характеръ притона калабрійскихъ разбойниковъ.

Послѣ полуночи усталость и покой вновь погрузили все въ молчаніе, которое нарушалось только мрачнымъ завываніемъ шакаловъ.

Утромъ 4-го мы достигли вершины лѣваго берега оврага и здѣсь поставили нашу палатку рядомъ съ палатками главной квартиры. Къ вечеру всѣ ко мнѣ собрались; помню, что были—*Щербининъ, Николаи* (баронъ), *Лобановъ, Паскевичъ, Витгенштейнъ* и *Дундуковъ*. Лежа на землѣ, частью сидя на барабанахъ, мы чокались стаканами, подъ звуки хора пѣсельниковъ Карабинерной роты. Знаменитая „Куринская“ пѣсня для многихъ была еще новостью, а потому немало золотыхъ перепало въ карманы Карабинеровъ. Затѣмъ настала очередь Минквица, этого неизмѣннаго предсѣдателя всѣхъ нашихъ вакхическихъ празднествъ,—неутомимаго запѣвалы всѣхъ нашихъ собраній. Вспоминая свою молодость, онъ затягивалъ нѣмецкія пѣсенки, вынесенныя имъ изъ жизни студентовъ—буршей Лейпцига. Мы всѣ подтягивали ему хоромъ.

Минквицъ—самый веселый и самый пріятный товарищ въ кампаніи; городская жизнь и „Friedenzeit“, какъ называетъ онъ мирное время, совсѣмъ ему не по нутру; женщина дѣлаетъ его сентиментальнымъ и мечтательнымъ. Въ Минквицѣ есть что-то среднее между нѣмецкимъ студентомъ и русскимъ кавалерійскимъ офицеромъ, но, прежде всего, онъ достойнѣйшій и благородный представитель нашей доброй расы, которая искренне восприняла все хорошее отъ русскихъ, благоговѣнно храня въ своемъ сердцѣ чувство долга и обязанности по отношенію Государя и Россіи, но и не отказываясь одновременно отъ происхожденія своихъ предковъ. Исполненіе этого двойного долга, какъ русскихъ по отношенію Россіи, и какъ нѣмцевъ по отношенію самихъ себя,—мы ставимъ вопросомъ нашей чести и требованія нашей религіи.

У насъ достаточно такта — ставить эти вопросы открыто и взаимно сочетать ихъ, но никогда одновременно ихъ не смѣшивая,

что мы исполняемъ не подь давленіемъ требованій разума или по расчету, а потому, что мы прежде всего честные и порядочные люди и хотимъ во всемъ оставаться таковыми.

Наше Балтійское дворянство потому и прекрасно, что, оставаясь неприкосновеннымъ и самобытнымъ, оно гордится не столько своими рыцарскими предками, сколько воспитаніемъ таковыхъ изъ поколѣнія въ поколѣніе и до нашихъ дней и поддержанія въ средѣ своихъ членовъ принциповъ, покоющихся на чувствахъ чести и благородства.

У насъ прежде всего принципъ—„noblesse oblige“, который мы ставимъ въ основу всѣхъ нашихъ дѣйствій, въ чемъ и заключается превосходная гарантія того, что мы гордимся отдавать себя на службу Россіи и ея государей.

Часть главнаго хребта, раздѣляющая Салатавію и Гумбетъ, прерывается въ 2-хъ мѣстахъ, чѣмъ и получается возможность сообщаться между собой жителямъ этихъ странъ. Первый и главный изъ этихъ путей образуетъ долина р. *Акъ-таша*, въ верхней своей части, называемой урочищемъ или ущельемъ *Мичи-кале*, доступнымъ для движенія во всякое время года, равно и удобны и доступны къ проходу со стороны Салатавіи, и самая дорога, съ кавказской точки зрѣнія, считается сносной, но она преграждена завалами противника и ея форсированіе стоило бы намъ значительныхъ потерь.

Графъ Воронцовъ рѣшилъ обойти это направленіе и перейти хребетъ по другой—*Киркинской дорогѣ*, настолько неудобной и малодоступной, что она была заброшена даже горцами.

Было рѣшено, что графъ Воронцовъ лично произведетъ рекогносцировку къ Кирки, пока непріятель укрѣпляется на Мичи-кале. Мы получили приказаніе быть готовыми къ движенію къ разсвѣту 5-го іюня. Въ составъ развѣдочной колонны вошли 6 баталіоновъ и 4 горныхъ орудія, въ томъ числѣ и 1-й баталіонъ Куринскаго полка, которому, въ виду молодости 40-го полка, по обычаю, надлежало идти въ головѣ колонны ¹⁾).

Командованіе отрядомъ было возложено на генераль-маіора *Пассека* и въ условіяхъ, какъ мною упомянуто выше, личнаго общаго руководства графа Воронцова. Пассекъ былъ только-что назначенъ командиромъ 2-й бригады 20-й пѣх. дивизіи, въ составъ которой входили Кабардинцы и Куринцы, и онъ долженъ былъ

¹⁾ Куринцы и Кабардинцы были большіе мастера въ лѣсныхъ дѣйствіяхъ и, казалось, было бы цѣлесообразнѣе назначить въ экспедицію войска, искусившіяся въ дѣйствіяхъ въ горахъ, а таковыхъ было довольно.

впервые предстать передъ войсками, знавшими его до сихъ поръ только по имени.

Пассекъ имѣлъ громкую репутацію, заслуженную въ операціяхъ 1843 года: превосходно исполненное отступленіе изъ Аваріи, блистательная оборона Зырянъ, многочисленность знаковъ Высочайшаго благоволенія за заслуги, безпримѣрная на Кавказѣ быстрота движенія по службѣ (менѣе, чѣмъ за годъ—изъ подполковниковъ въ генераль-маіоры), всѣ эти обстоятельства въ общей ихъ совокупности значительно его выдвинули, и его имя было на всѣхъ устахъ.

Ко времени описываемыхъ событій Пассеку было 35 лѣтъ отъ роду, и за нимъ уже были безспорно выдающіяся военныя заслуги и качества. Обладая необычайнымъ глазомѣромъ и смѣлостью, граничившей съ отвагой, чрезвычайной увѣренностью въ себѣ, энергіей и непоколебимой волей, Пассекъ, одновременно, при безграничномъ честолюбіи былъ и крайне самолюбивъ¹⁾. Онъ производилъ впечатлѣніе могучаго льва, только-что порвавшаго свои цѣпи.

Въ европейской войнѣ онъ обратилъ бы на себя вниманіе и прославилъ бы нашу армію, но на Кавказѣ онъ былъ именно тѣмъ военачальникомъ, каковымъ здѣсь быть не слѣдовало. Здѣсь ничѣмъ нельзя рисковать и никогда нельзя здѣсь разсчитывать „на авось“. Здѣсь, при всякомъ предпріятіи, надо быть увѣреннымъ въ силѣ удара: всякое здѣсь дѣйствіе должно быть спокойно и осторожно взвѣшено, такъ какъ въ этомъ краѣ десять успѣховъ не окунаютъ послѣдствій одной ничтожной неудачи.

Пассека тоже нѣтъ въ живыхъ, и эту потерю арміи пришлось пережить въ теченіе этой ужасной кампаніи 1845 года. Онъ велъ въ атаку свой послѣдній взводъ, когда одинъ горецъ разрядилъ свой пистолетъ въ упоръ въ грудь Пассека; со словами: „прощай, моя бригада“, онъ умеръ мгновенно.

¹⁾ Нѣкоторые изъ современниковъ, близко знавшихъ Пассека и событія 1843 года въ Дагестанѣ, воздавая должное этому замѣчательному военачальнику, истому богатырю во всѣхъ отношеніяхъ, тѣмъ не менѣе, признають, что честолюбіе, увѣренность въ себѣ и пылкость Пассека были причиной большихъ военныхъ осложненій этого года, и ему ставится въ упрекъ, что онъ, владея перомъ и имѣя огромное вліяніе на генерала Клюки фонъ-Клюгенау, настоялъ на оставленіи въ Хунзахѣ (въ Аваріи) отряда значительной силы, что совершенно не отвѣчало обстоятельствамъ, но что было соединено съ отдѣльнымъ начальствованіемъ Пассека этимъ отрядомъ. Пребываніе Пассека въ Хунзахѣ дало возможность Шамилю взять Гергебиль, а затѣмъ и блокировать въ Шурѣ и самого командующаго войсками въ Дагестанѣ генерала Гурко; только своевременное прибытіе генерала Фрейтага спасло насъ въ Дагестанѣ отъ большихъ бѣдъ.

Я имѣлъ драгоцѣнный сувениръ, полученный мною изъ рукъ самого героя, смерть котораго еще болѣе увеличила его цѣнность, — онъ мнѣ подарилъ свой собственный георгіевскій крестъ, который я, конечно, свято берегъ бы, если бы мнѣ дано было его сохранить, но, послѣ того какъ я былъ вторично раненъ, мой сюртукъ остался въ рукахъ непріятеля, и съ нимъ исчезъ и прекрасный бѣлый крестъ героя.

Но вернемся къ утру 5 іюня.

Я долженъ былъ получить приказаніе отъ этого генерала и представить ему свой баталіонъ. Онъ вскорѣ появился передъ фронтомъ въ сопровожденіи блестящей свиты, которая на Кавказѣ обыкновенно примыкаетъ къ начальникамъ, которыхъ сопровождаетъ успѣхъ по службѣ. Пассекъ былъ очень высокаго роста, имѣлъ могучую грудь и ту ширину въ плечахъ, которая встрѣчается только въ Россіи и главнымъ образомъ на его родинѣ—въ Сибири; голосъ его былъ очень громкій, и онъ хорошо говорилъ, несмотря на нѣкоторую тривиальность.

Онъ обратился къ войскамъ съ небольшою рѣчью, которую закончилъ слѣдующей фразой, покрытой громкимъ солдатскимъ „ура“: „я считаю честью доказать вамъ, что я тоже хочу быть старымъ Куринцемъ“.

Съ нашимъ солдатомъ слѣдуетъ постоянно говорить; словомъ и пѣсней его можно вести на край свѣта. Къ мелкимъ житейскимъ и матеріальнымъ утѣхамъ онъ менѣе чувствителенъ, чѣмъ къ слову похвалы или одобренія, такъ какъ, не зная радостей жизни, онъ мало о нихъ и думаетъ.

Отрядъ нашъ двинулся впередъ. Солдаты шли налегкѣ, имѣя на себѣ лишь суточную сухарную дачу. Мы подымались по скату, покрытому скудной травой; за первымъ подъемомъ открывались все новые, на которые слѣдовало взбираться. Это движеніе было затруднительно для нашихъ Егерей, привыкшихъ къ равнинамъ Чечни, гдѣ они дѣлали изумительные по быстротѣ переходы, но не привыкшихъ къ походамъ въ горахъ¹⁾.

Нахожу здѣсь умѣстнымъ замѣтить, что на Кавказѣ все специализируется, какъ свойства и качества войскъ, такъ и офицеровъ, что является необходимымъ по причинѣ различія природы и свойствъ разныхъ

¹⁾ Удивительно, какъ это графъ Воронцовъ не принялъ во вниманіе, что Куринцы не привыкли дѣйствовать въ горахъ, и что къ этому, чисто горному маневру у него были специалисты этого дѣла—Аншеронцы и Навагинцы.

мѣстностей края. Естественно, что одинъ полкъ превосходно дѣйствуетъ въ лѣсахъ, другой, благодаря быстротѣ своего хода, въ горахъ; одинъ офицеръ провелъ долгіе годы въ борьбѣ съ чумой на турецкой границѣ, другой—въ административной службѣ Закавказья, третій—всю жизнь провелъ въ борьбѣ съ лихорадкой и спячкой на службѣ гарнизона въ небольшомъ фортѣ морского побережья; одинъ — на бивакахъ въ ледникахъ лезгинскихъ горъ, другой—въ преслѣдованіи конныхъ партій черкесъ на Кубани; нѣкоторые офицеры провели всю жизнь въ Чечнѣ, въ этой странѣ вѣчной войны и опасностей, служа постоянно мишенью чеченца, другіе — въ Дагестанѣ — странѣ всевозможныхъ лишеній, но гдѣ легко создаются репутаціи, блистательныя карьеры, и легко дается успѣхъ.

Каждая изъ различныхъ мѣстностей Кавказа имѣетъ свою, ей присущую природу, свойства, свой типъ, требуя и особаго способа веденія войны и прежде, чѣмъ дѣйствовать въ той или другой мѣстности и быть на что-либо годнымъ, надо ее изучить; и все это различіе происходитъ по той простой причинѣ, по которой Арменія относится къ Осетіи, Имеретія къ Кабардѣ и Кахетія къ Кумыкской плоскости, также, какъ Франція относится къ Китаю.

Мы продолжали наше движеніе. Главнокомандующій опередилъ насъ съ кавалеріею. Вскорѣ адъютантъ за адъютантомъ потребовали нашего скорѣйшаго къ нему присоединенія. Мы же уже совсѣмъ выбились изъ силъ; за крутымъ подъемомъ послѣдовала выбитая въ скалѣ тропинка, которую мы прошли почти бѣгомъ. Тамъ, гдѣ кончилась тропинка, обнаружилась довольно широкая сѣдловина, на которой мы застали графа, бывшаго пѣшкомъ и стоявшаго къ намъ спиной. Передъ нимъ открывалась глубокая и довольно широкая долина, бесплодная, скалистая, лишенная всякой растительности,—долина, обычно встрѣчаемая на значительныхъ высотахъ Кавказа; небольшой ручей пересѣкалъ ее справа налѣво на всемъ ея протяженіи, а съ противоположной стороны долины высились командующія нами высоты;— мы достигли *Киркинскаго перевала*—воротъ въ Гумбетъ, и высота передъ нами была гора *Анчимееръ*.

Здѣсь графъ Воронцовъ рѣшилъ перейти въ Гумбетъ, и этотъ перевалъ отвѣчалъ его соображеніямъ. Всѣ тотчасъ же поняли, что намъ предстоитъ драться, и вся усталость была забыта. Простая развѣдка обратилась, по приказанію графа, въ захватъ господствующаго положенія, въ цѣлую операцію, исполненіе которой предстояло Пассеку.

Я уже говорилъ, что эта дорога была заброшена годами, а на верху перевала она совершенно прерывалась. У самыхъ нашихъ ногъ двухсаженная скалистая стѣна отдѣляла насъ отъ крутого спуска къ ручью, и здѣсь-то и предстояло намъ слѣдовать. Передовые солдаты выломали кирками нѣсколько глыбъ, нѣсколько чело-вѣкъ были еще спущены внизъ и образовали изъ этихъ глыбъ нѣчто въ родѣ лѣстницы. Работа кипѣла съ такой быстротой и энергіею, что полчаса спустя можно было уже спустить внизъ нѣсколько орудій. Пассекъ, князь нетерпѣніемъ, воодушевлялъ солдатъ и голосомъ и жестами. Надъ его головой развѣвался бѣлый значокъ съ серебрянымъ крестомъ, его вышивали нѣжныя ручки,— это была какъ бы эмблема любви и надежды, но смерть, о которой я уже упоминалъ, унесла всѣ эти надежды на будущее.

То было блестящее начало кампаніи. Подъ звуки боевыхъ пѣсенъ и крикахъ „ура“ работа кипѣла съ той силой, которую даетъ вѣрное обѣщаніе побѣды. Самъ главнокомандующій присутствовалъ при этой сценѣ, стоя на выдающемся уступѣ скалы и опираясь на свою турецкую саблю. Онъ снисходилъ до насъ—молодежи, шумно выражающей свою радость при видѣ непріятеля, котораго наконецъ начнемъ колотить. Онъ подавлялъ насъ всѣмъ обаяніемъ своего величія, своей старой славы, ясностью взгляда и тѣмъ спокойствіемъ стараго воина, которое такъ шло его благороднымъ чертамъ.

Наконецъ столь долго сдерживаемому нашему рвенію данъ сигналъ: Воронцовъ обнажилъ свою бѣлую голову и, минуто спустя, мы уже были у подошвы высоты, поджидая Пассека. Прибылъ и онъ, отдавъ свои послѣднія приказанія.

Дружина Грузинской милиціи подъ начальствомъ князя *Левана Меликова* ¹⁾ стала въ головѣ колонны. Она должна была подняться къ подошвѣ Анчимеера и начать эскаладу этой высоты въ мѣстѣ, указанномъ приданными ей проводниками. Я получилъ приказаніе поддержать грузинъ и слѣдовалъ за ними вблизи, вскорѣ замѣтивъ, что они повернули къ высотѣ.

Высота Анчимееръ въ этомъ мѣстѣ имѣла 1.500 футъ высоты при скатѣ въ 45°. Колебаніямъ не было мѣста: грузины ползли вверхъ.

¹⁾ Князь Леванъ Ивановичъ Меликовъ, получившій здѣсь своего офицерскаго Георгія, быстро затѣмъ продвигался по служебной лѣстницѣ и въ 1859-мъ году явился однимъ изъ главныхъ дѣятелей покоренія восточнаго Кавказа, въ семидесятые годы мы видимъ его уже начальникомъ Дагестанской области, а вскорѣ и помощникомъ главнокомандующаго Кавказской арміею.

Я крикнулъ своимъ сбросить мѣшки и остаться въ однихъ рубахахъ; они оставили при себѣ только патронныя сумки и ружья. Я указалъ имъ на главнокомандующаго, остававшагося личнымъ свидѣтелемъ ихъ храбрости; отвѣтомъ мнѣ было уже не „ура“, а какой-то ревъ восторга и нетерпѣнія.

Бой дѣло святое. Бой для русскаго солдата заключаетъ въ себѣ что-то священное. Онъ идетъ въ бой съ тѣмъ же сосредоточеннымъ чувствомъ, съ какимъ вступаетъ въ церковь; горе тому, кто вырывается подъ огнемъ,—его сочтутъ за нехриста. Передъ вступленіемъ въ дѣло всѣ обнажаютъ головы, осѣняютъ себя крестнымъ знаменіемъ, и уста шепчутъ краткую молитву. Кавказскія войска не нуждаются въ одушевленіи себя барабаннымъ боемъ и звуками трубъ.

Я подалъ сигналъ атаки движеніемъ руки, и карабинеры (1-ая рота), предводимые *Пассетомъ*, бросились впередъ; во 2-мъ эшелонѣ пошла 2-ая егерская рота. Самъ я намѣревался вести 3-ью и 4-ую роты, какъ ядро и резервъ моего отряда. Но это предположеніе такъ и осталось кабинетнымъ соображеніемъ, и на мѣстѣ все пошло иначе; невозможно удержать разъ вызванный порывъ, и нельзя остановить на полпути пущенныя впередъ войска.

Чтобы взобраться на Анчимееръ надо было карабкаться наверхъ на четверинкахъ. Первоначальнаго порыва хватило на половину подъема, но импульсъ былъ еще настолько силенъ, что войска все еще подвигались бѣгомъ; ну какъ тутъ сохранить единство и порядокъ!?

Вскорѣ однако боевой порядокъ установился, но не по порядку номеровъ ротъ, а по правилу „равненія по переднимъ“: карабинеры, грузины—милиціонеры и егеря—всѣ перемѣшались. Это былъ уже не штурмъ, а бѣгъ на призы, и это было для насъ большимъ счастьемъ, такъ какъ, въ данномъ случаѣ, взять Анчимееръ нельзя было спокойствіемъ и порядкомъ, а именно только наскокомъ и порывомъ.

Противникъ встрѣтилъ насъ сверху жестокимъ огнемъ, но насъ выручала крутизна ската, и мы укрывались въ мертвомъ пространствѣ; ядра и пули проносились надъ нашими головами. Одновременно горцы скатывали на насъ цѣлыя глыбы камня, но наши солдаты умѣло отъ нихъ укрывались: „старая штука“, приговаривали бывалые старики.

Графъ Воронцовъ и его штабъ, оставаясь все это время на Киркинскомъ перевалѣ, по другую сторону долины, слѣдили за нами въ подзорныя трубы—какъ изъ ложи въ оперѣ. Говорятъ, зрѣлище было великолѣпное: мы казались горстью людей, разбросанныхъ по скату этой огромной горы, которую отстаивала масса лезгинъ въ живописныхъ костюмахъ и тюрбанахъ, съ своими значками, гордо воткнутыми въ землю. По временамъ, по долину стлались облака и, попеременно, то закрывали, то открывали насъ зрителямъ, погружая ихъ въ безпокойство и поселяя у нихъ сомнѣніе въ успѣхѣ штурма ¹⁾. Что касается моихъ егерей, то они были увѣрены въ успѣхѣ. Съ самаго начала дѣла одинъ молодой солдатъ, размахивая въ воздухѣ винтовкой, крикнулъ: „прочь татары, Куринцы идутъ!“

Это восторженное восклицаніе стало какъ бы общимъ боевымъ кличемъ, перекатилось среди горъ въ тысячи эхо и возбудило нашихъ храбрецовъ. Безъ одинаго выстрѣла, благодаря только сильному атакующихъ, захватили мы первый выступъ, занятый наиболѣе быстроногими.

Я не имѣлъ чести лично и непосредственно участвовать въ этомъ лихомъ налетѣ по физической тому невозможности: я былъ уже утомленъ продолжительнымъ утреннимъ хожденіемъ, напряженіе же, потраченное мной на эту эскаладу, окончательно меня обезсилило: у меня пошла пѣна горломъ и, несмотря на то, что меня поддерживали при подъемѣ два моихъ егеря, я упалъ совершенно изнеможенный.

Я думаю, что я такъ бы и остался тутъ, на мѣстѣ, и до днесь, если бы по близости не случился одинъ достойный житель Кахетинъ, геркулесъ по сложенію, нѣкто Х...

Я, такъ сказать, запрегъ его, ухватившись обѣими руками за его поясъ, и потащился наверхъ этимъ способомъ, подталкиваемый къ тому же еще сзади двумя егерями, и также достигъ перваго возвышеннаго уступа, гдѣ и нашелъ своихъ людей, лежавшихъ за гребнемъ и завязавшихъ отсюда живую перестрѣлку съ горцами, продолжавшими удерживать самую вершину горы.

¹⁾ Другой очевидецъ, бывшій въ штабѣ Воронцова и наблюдавшій съ нимъ этотъ штурмъ, говоритъ: „между зрителями, смотрѣвшими на бой съ нашей площадки, нашлись шутники, которые назвали это дѣло „bataille Anchimerg (en chimèrge), намекая, что побѣда досталась дешево, но, въ сущности, дѣло было труднѣе, чѣмъ оно казалось намъ сверху“. Очевидецъ этотъ шт.-кап. баронъ Дельвигъ весь успѣхъ этого дѣла приписываетъ талантамъ и рѣшительности Пассека, котораго онъ ни въ чемъ не обвиняетъ во всей этой Анчимееровской операціи.

Немедленно принялъ я всѣ мѣры задержать пылъ моихъ людей, запретивъ имъ дальнѣйшее наступленіе, съ цѣлью дать подсобиться всѣмъ отставшимъ, такъ какъ намъ необходимо было сосредоточиться, дабы не дать себя уничтожить значительно насъ превосходившими силами горцевъ. Непрiятель видѣлъ нашу малочисленность и легко могъ насъ подавить.

Еще ранѣе, до насъ достигли звуки пѣнія священной пѣсни— „Ла-иллахъ-иль-алла“ (нѣтъ Бога кромѣ Бога), запѣваемой правовѣрными мучениками ислама въ тѣхъ случаяхъ, когда они обрекаютъ себя неминуемой гибели за вѣру. Но этотъ, когда-то столь почитаемый священный напѣвъ теперь уже не имѣлъ того дѣйствiя, которое имѣлъ въ первыя времена мюридизма, когда онъ производилъ сильное впечатлѣніе на послѣдователей Кази-муллы, священный стихъ пересталъ быть истиной, и теперь горцы прибѣгали къ нему скорѣе подъ давленіемъ чувства страха. „Ничего, Ваше Сiятельство, насъ не надуешь“, обратился ко мнѣ по этому случаю мой вѣрный казакъ Игумновъ, „мы знаемъ, что они подлецы“.

Во время удачнаго дѣла кавказскiй солдатъ становится очень болтливъ, и нѣтъ никакой возможности зажать ему ротъ,—льется неистощимый потокъ шутокъ, прибаутокъ и острыхъ словечекъ; старики же, кромѣ того, очень расположены тогда давать совѣты, которые рѣдко бываютъ плохи ¹⁾).

Мы продолжали перестрѣливаться, пули сыпались на насъ градомъ, и было необходимо выйти изъ этого положенiя. Я сдался на просьбу карабинеровъ и предоставилъ имъ съ ихъ храбрымъ командиромъ честь ударить на горцевъ съ фронта. Непрiятель стойко встрѣтилъ атаку и часть грузинской милиціи была уже опрокинута, когда въ-время послѣлъ Пассьеть съ ударомъ въ штыки.

Минута была рѣшительная. Я съ егерями (три роты) взялъ въ обходъ вправо; значки непрiятеля почти повсюду исчезли, скопище его обратилось въ полное бѣгство, и на вершинѣ Анчмеера гремѣло побѣдное ура 1-го баталiона Куринцевъ. Штурмъ длился три четверти часа ²⁾).

¹⁾ Какъ цѣнны всѣ эти наблюденiя Бенкендорфа, всегда готоваго воздать должное всѣмъ, кромѣ себя самого, котораго онъ ставитъ на послѣднемъ планѣ, и сколько жизненной правды въ его воспоминанiяхъ!

Б. К.

²⁾ Послѣ грузинской милиціи и 1-го баталiона Куринцевъ, ударившихъ на позицію горцевъ у Анчмеера съ фронта, и уже послѣ отступленiя гор-

За опьяненіемъ первой побѣдой послѣдовало полное изнеможеніе; покачали офицеровъ, которыми люди остались наиболѣе довольны, указали мнѣ отличившихся нижнихъ чиновъ, немного погорланили и попѣли, но, въ концѣ концовъ, измученные и изнеможенные мы всѣ повалились на землю. Когда Пассекъ пріѣхалъ насъ привѣтствовать, мы могли подняться лишь съ неимовернымъ трудомъ. Я лично испытывалъ сильнѣйшую боль въ области сердца, мнѣ не хватало воздуха, я задыхался и свободно, какъ всегда, началъ я дышать только значительно позднѣе и тогда, когда я вылечивался отъ ранъ, полученныхъ 5 недѣль спустя.

Грузинскіе милиціонеры рѣзко отъ насъ отличались: превосходные пѣшеходы, почти всѣ поголовно горные жители, они превосходили нашихъ солдатъ въ умѣніи лазить по горамъ. вмѣсто отдыха, тѣсно ставъ другъ къ другу и положивъ каждый правую руку на плечо сосѣда, они принялись за національные круговые танцы, сопровождая ихъ монотоннымъ пѣніемъ, прерываемымъ изрѣдка громкими возгласами. Музыка—можетъ быть и не была красива, но она напоминала имъ славное прошлое ихъ боевой жизни. Эти пѣсни пѣвались еще ихъ отцами во время всѣхъ войнъ, а война была настоящей стихіей былой Грузіи. Эти пѣсни распѣвались на берегахъ Инда, въ эпоху побѣдной здѣсь войны Надиръ-Шаха, когда 5.000 грузинъ составляли отборное ядро его арміи.

Грузины вообще отличаются поразительной храбростью, переходящей зачастую предѣлы благоразумія.

Напримѣръ, у Тушинъ (бывшихъ въ составѣ этой Грузинской милиціи) существовали обычаи: свадебный подарокъ принимался лишь при условіи одновременнаго поднесенія женихомъ семи кастей рукъ, отрѣзанныхъ у неприятели во время боя, или,—тушинская дѣвушка никогда не вышла бы замужъ за человѣка, раненаго сзади.

Трудно себѣ представить что-либо живописнѣе, воинственнѣе и

цевъ, слѣва вышелъ 1-й баталіонъ Литовскаго полка, а сзади постепенно подходили первые баталіоны Апшеронскаго и Житомирскаго полковъ. Честь же удара и сбитія противника всецѣло принадлежала 1-му баталіону Куринцевъ и грузинской милиціи, и если бы эти части были опрокинуты, то одинъ отрядъ Пассека едва-ли захватилъ бы Анчимееръ.

Успѣху этого труднаго дѣла мы обязаны конечно умѣнью Пассека дѣйствовать въ горахъ, его чудесному глазомѣру, сообразительности и рѣшительности и, кромѣ Пассека, болѣе всего молодецкому баталіону Куринцевъ и храброй грузинской милиціи князя Левана Меликова, начавшаго здѣсь свою карьеру.

Б. К.

болѣе дикое, чѣмъ эта бывшая передъ нашими глазами группа грузинскихъ милиціонеровъ¹⁾.

Когда солнце сѣло, мы еще находились на самой вершинѣ горы, спускавшейся къ сторонѣ противника болѣе отлого, чѣмъ къ сторонѣ нашего восхожденія; вдали, кое-гдѣ, еще видѣлись значки непріятели. Мой доблестный грузинъ не былъ мною забытъ, и я предложилъ ему все золото, имѣвшееся налицо въ моемъ карманѣ, но онъ мнѣ заявилъ, что ни за что не возьметъ денегъ, что онъ дворянинъ и оказаніе мнѣ помощи было дѣломъ чести. Ему не пришлось раскаться въ своемъ безкорыстїи, и онъ, и его братъ (который тутъ былъ ни при чемъ), оба получили по моему ходатайству нѣкоторое повышеніе по службѣ. Впослѣдствїи, желая сдѣлать ему прїятное, я доставилъ его брату должность переводчика, хотя онъ ни слова не зналъ по-татарски. Казалось, это должно было бы положить основаніе его карьерѣ, но, думаю, что успѣхъ этого рода службы требовалъ моего возвращенія въ Грузію. Оказавшій мнѣ услугу старшій братъ былъ очень хорошій человекъ, простой и добродушный, словомъ—истый кахетинецъ. Онъ меня часто навѣщалъ потомъ въ Тифлисѣ и приносилъ плоды своего сада. На пасху, по обычаю между друзьями, онъ подносилъ мнѣ обыкновенно совершенно бѣлаго и безъ малѣйшаго пятнышка барашка.

Взятіе Анчимеера произвело въ горахъ потрясающее впечатлѣніе.

Уже 7-го іюня событіе это стало извѣстнымъ въ отрядѣ князя Аргутинскаго-Долгорукова, дѣйствовавшаго въ Южномъ Дагестанѣ. Въ извѣстїи, доставленномъ горцами въ упомянутый отрядъ, упоминалось и о *трехглазомъ полковникѣ*, въ которомъ я былъ признанъ всѣми меня знавшими (по моему моноклю).

Результаты нашего успѣха были весьма значительны для отряда, вслѣдствіе оставленія противникомъ Мичикальскаго ущелья, и горцы собрались въ значительныхъ силахъ только уже въ Андїи.

Графъ Воронцовъ былъ очень доволенъ и засыпалъ насъ своимъ вниманіемъ. Въ ознаменованіе этого славнаго дѣла, въ Высочайшемъ приказѣ отъ того же 5-го іюня, Куринскій полкъ наименованъ „*Егерскимъ графа Воронцова*“. Имя Куринскаго полка мало

¹⁾ Чудесныя картины и рисунки мюнхенскаго художника Горшельта, обезсмертившаго кавказскую войну въ своихъ изображенїяхъ, превосходно дополняютъ впечатлѣніе Бенкендорфа.

что говорить нашей арміи въ Россіи, но это имя настолько связано съ боевой славой нашихъ войскъ на Кавказѣ, что тамъ оно не можетъ быть предано забвенію.

Главнокомандующій, въ своемъ обращеніи къ полку, какъ его шефъ, со свойственнымъ ему тактомъ не преминулъ подчеркнуть тотъ почетъ, который былъ связанъ съ именемъ полка: „не имя мое соединяетъ насъ“, говорилъ онъ полку, „а насъ соединяетъ заслуженная мною честь носить мундиръ Куринскаго полка“.

Ночь съ 5-ое на 6-ое, проведенная нами на вершинѣ Анчи-меера, была очень холодная, и такъ какъ къ намъ не подошли наши вьюки, то намъ пришлось лечь спать голодными и подъ открытымъ небомъ, укрывшись однѣми бурками ¹⁾).

Моя бурка была потеряна, но къ счастью мой маленькій Мамудъ раздобылъ мнѣ другую, съ помощью которой, хорошо ли, дурно ли но я кое-какъ примостился въ расщелинѣ скалы.

Мамудъ—молодой чеченецъ, родомъ изъ Шали, давно уже служилъ намъ лазутчикомъ; дурное обращеніе, которое ему пришлось перенести отъ своего деверя—Шамяля (сестра его имѣла честь раздѣлять ложе этого великаго человѣка), заставило его бѣжать изъ Дарго и искать нашего покровительства. Мы его встрѣтили въ Темиръ-ханъ-Шурѣ, гдѣ онъ находился въ качествѣ политическаго «сылнаго», и такъ какъ я зналъ, что съ нимъ сносился Лобановъ, что онъ былъ очень смышленъ и на все годенъ, то и приютилъ его у себя. Судьбу свою онъ связалъ съ моей или, говоря попросту, завязалъ знакомство съ кухней моего Семена; меня именовалъ своимъ ауломъ.

Мамудъ отличался удивительнымъ знаніемъ географіи своей страны и умѣніемъ разбираться по картѣ, не имѣя ранѣе никакого о ней представленія. Стоило только ориентировать карту по странамъ свѣта и указать ему главнѣйшіе рубежи, какъ онъ уже постигалъ все остальное.

Въ этотъ вечеръ онъ меня много забавлялъ, повѣряя мнѣ (на своемъ ломаномъ русскомъ языкѣ, перемѣшанномъ татарскими словами), что въ первый же разъ, какъ у насъ будетъ вино, онъ

¹⁾ Здѣсь естественно возникаетъ вопросъ, почему въ штабѣ отряда не были приняты всѣ мѣры для доставленія прежде всего обоза войскамъ отряда Пассека, хотя бы часть его? Воронцовъ поднялъ отрядъ налегкѣ, а вслѣдъ за нимъ слѣдовало направить и обозъ его и, конечно, Воронцову слѣдовало сговориться и условиться съ Пассекомъ, а не оставлять его безъ малѣйшихъ указаній.

отомститъ Магомету, напившись пьянымъ, такъ какъ въ сегодняшнемъ дѣлѣ пуля прострѣлила ему рукавъ, что вынуждаетъ его прервать всякую связь съ религіозными постановленіями Магомета. Въ то время онъ былъ еще очень милъ, но когда я покидалъ Тифлисъ, онъ уже измѣнился: милости, которыми онъ былъ осыпанъ, и невоздержная жизнь въ городѣ создали изъ него порядочнаго негодяя,—обычное явленіе порчи нравовъ при соприкосновеніи цивилизаціи съ первобытными нравами населенія, а отсюда то суровое презрѣніе къ этой цивилизаціи со стороны послѣдователей корана.

Генераль Пассекъ назначилъ двѣ роты Литовцевъ для сопровожденія нашихъ раненыхъ къ главному отряду и въ числѣ таковыхъ было и 17 человекъ Куринцевъ, принятыхъ съ той заботливостью и живѣйшей симпатіею, съ которыми принимаютъ обыкновенно первыхъ раненыхъ. Графъ Воронцовъ далъ имъ денегъ, въ ихъ пользу была открыта подписка, а для доставленія ихъ въ Темиръханъ-Шуру были назначены лучшія черводарскія лошади. Но въ послѣдствіи, когда этихъ раненыхъ пришлось имѣть постоянно передъ глазами, то люди, мало-по-малу, привыкли ко всѣмъ этимъ ужасамъ и страданіямъ. Послѣ описываемыхъ событій, я, какъ-то будучи въ Дрезденѣ, смотрѣлъ пьесу (передѣланную изъ романа „Мемуары дьявола“), въ которой одинъ изъ актеровъ рассказывалъ массу ужасовъ и преступленій, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ, начиналъ онъ свой рассказъ грустнымъ тономъ, каждый разъ заканчивая его фразой: „но вѣдь къ этому скоро привыкаешь“ (Aber man gewöhnt sich!). Эта сцена живо напомнила мнѣ всѣ тѣ бѣдствія и страданія, которыя уже прошли передъ моими глазами, и то впечатлѣніе, которое когда-то онѣ на меня производили.

Боже мой! До чего справедливо это—„ко всему привыкаешь“!..

Война служитъ богатой школой грустныхъ и безотрадныхъ опытовъ надъ самимъ собой.

Сообщилъ Б. М. Колюбакинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

